

Источник: Русская школа за рубежом. Книга 21-22. – Прага: Издание Объединения Земских и Городских Деятелей в Чехословакии, 1926. – С. 34-43

Что и как читать детям?*)

Современная педагогика считает основной задачей воспитания – *помощь* ребёнку в его росте и развитии. Помощь эта сводится к созданию надлежащих условий, в которых физическая и «умственная» жизнь ребёнка протекала - бы в соответствии с его потребностями. Талант и умение воспитателя должны быть направлены на то, чтоб уловить и понять, в чём эти «подлинные» потребности ребёнка состоят, и суметь их отличить от простых капризов – с одной стороны, и болезненных уклонов - с другой. Но одного таланта и умения мала для воплощения данной задачи воспитания : воспитателю, кроме того, необходимо**) ещё знания ребёнка в целом, знание физических и психических основ его существа.

Всеми давно признано, что знание основ физиологического развития ребенка элементарно – необходимо для воспитателя: ведь телесного здоровья и зависимость от него здоровья «духа» установлены уже в глубокой древности. Но лишь исследования последнего времени с несомненностью установили и обратную зависимость: только при здоровом состоянии духа возможно полное физическое здоровье***).

Непреложная важность душевного здоровья для общего состояния человека ставит воспитателя, в первую очередь, пред необходимостью изучить основные нормы духовного роста и развития ребёнка в такой – же мере (если не в большей), как и основы его физического развития. В большей мере потому, что уловить ход душевной жизни, в силу особенностей её природы, очень трудно, а ещё и потому, что основы психологии, особенно психологии ребёнка, далеко ещё не так определённо установлены, как то имеем мы в области физиологии.

С этой точки зрения – соответствия воспитания нормальным потребностям (духовным, как и физическим) ребёнка – воспитатель должен подходить к ребёнку во всех вопросах его жизни: и в вопросе об его учении, и в вопросе об его развлечениях, и в вопросе об его чтении.

*) *От редакции:* Эта статья, посвящённая вопросам детского чтения в раннем возрасте (до 8-ми лет), - одна из серии статей по данному вопросу. Редакция предполагает в дальнейшем поместить статьи о детском чтении в среднем возрасте, о «дрянной» (Schund) и вредной литературе и борьбе с ней, о детских журналах, о детских библиотеках и постановке дела в разных странах (Россия, Германия, Америка).

**) Само собою разумеется, что ему в первую очередь необходима любовь и чуткость к ребёнку.

***) Здоровый «дух» - необходимое, но не единственное условие физического здоровья: по отношению к болезням он сообщает большую сопротивляемость и невосприимчивость.

При этом воспитатель, согласно основным новейшей педагогики, должен непременно считаться с тем, что рост и развитие ребёнка в каждый данный период его жизни имеют свою абсолютную ценность, независимо от того значения, которое они могут иметь для взрослого человека. «Каждый возраст имеет свои права», и их охрана и осуществление в детские и отроческие годы – святая обязанность родителей, воспитателей, государства, всего человечества.

Таким образом, основная предпосылка при разрешении всех вопросов детской жизни гласит: *р е б ё н о к и е г о д е т с к и е г о д ы - с а м о ц е л ь .*

Эту – же основную предпосылку мы должны помнить, подходя к вопросу о детском чтении.

Чтение, как и всё, входящее в обиход детской жизни, должно быть приноровлено к потребностям ребёнка и занимать в его жизни именно то которое соответствует общему складу ребёнка и его запросам в данный период: « Das Buch muss dem Kinde dienen und nicht es meistern» (Storm). В зависимости от того, какая книга может «служить» ребёнку при данном состоянии его развития, и разрешаются вопросы о том, что читать детям, как читать, сколько читать, читать или рассказывать и т.д. Конечно, разрешение всех этих вопросов будет различным для разных фаз развития*) ребёнка.

В самом раннем возрасте (до 3-х, 4-х лет), когда ребёнок интересуется только своей собственной персоной и тем, что с ней постоянно связано, чтение данном случае – рассказывание), по существу своему – проводник в «мир», не занимает особое место в жизни ребёнка. Книга для него такой – же предмет, как лампа, абажур, папина палка или портсигар. Когда – же ему читают или рассказывают что-нибудь, его занимает больше всего самое произнесение звуков, чаще всего звуки нечленораздельные или слова непонятные, развлекает его ещё интонация, мимика и жесты рассказчика, а из содержания он улавливает очень немного**) и всегда лишь те моменты, которые имеют место в его жизненном обиходе: еда, отход ко сну, игра и другие события повседневной жизни. Совершенно естественно, если ребёнок в этом возрасте, слушая сказку о «Спящей Красавице», запомнит лишь то место, где рассказывается о еде карликов, или, если ему особенно запечатлится (запечатлеется) в «К р а с н о й Ш а п о ч к е» тот момент, когда ей накладывают пластырь на пальчик. Он может слушать одну и ту же сказку много раз и радуется сочетанию звуков и слов, не вникая, не будучи в состоянии вполне вникнуть в содержание. Доступны могут быть ребёнку в этот период его жизни лишь книги-картинки, изображающие знакомые ему предметы из окружающей среды.

*) Ясно, что речь идет здесь о развитии «умственном».

**) Даже, если он сказочку потом может пересказать.

Момент появления у ребенка интереса к другим лицам, которых он не знает, и с которыми он не имеет непосредственного соприкосновения, есть момент переходный в следующую стадию развития (от 4-х до 7-8 лет)*). «Отличительным признаком этой новой стадии развития», говорит Шпрангер, «является исключительно живая фантазия ребенка, которая охватывает всё окружающее и все предметы воспринимает одушевленными подобно людям». Конкретный интерес к своему «я» остается; больше того, всё непосредственно его окружающее он уже хорошо знает и внимательно исследовал, но всё, что находится за пределами непосредственно его окружающего, он готов наполнить любым содержанием. В этом возрасте ребенок не умеет еще отличать действительное от фантастического, он не сознаёт бессвязности и нереального характера мира фантазии, ибо он и то, что в действительной жизни происходит, воспринимает, как ряд свершающихся одно за другим событий, несвязанных причинно. То, что нам кажется фантазией, ребенок воспринимает так-же серьезно, как мы наш действительный мир. Конечно, нельзя сказать, что вся душевная жизнь ребенка сводится к фантазии, но несомненно, что ребенок живет в совершенно другом мире, чем мы, и что самым характерным определяющим моментом в душевной жизни ребенка в этот период является господство фантазии. Собственный внутренний мирок, чужая душевная жизнь и неодушевленные предметы ещё не отделены друг от друга. Понятий пространства и времени в собственном смысле слова ребенок в это время еще не имеет.

Надо только заметить, что фантазия ребенка существенно отличается от фантазии взрослого: она не комбинирующая, не создающая никаких новообразований, она лишь переносит по аналогии представления на другие предметы без всяких разумных оснований, без оснований вообще: основания ребенку не нужны, т. к. он в фантастическом мире своем не думает - он только созерцает. И само созерцание мира так ново и так чудесно, всякий предмет, попадающий в поле созерцания ребенка, так полон прелести новизны, что он всего ждет от него, больше того, ему хочется (бессознательно, может быть), чтобы что-то неожиданное, непонятное произошло, ибо это дает ему радость.

В этом моменте — в желании чего-то непонятного, в ожидании свершения чего-то необычайного — ребенок сближается с примитивным человеком. «Мы находим в народе, как и в ребенке», говорит К. Бюлер, «какую-то концентрированную предрасположенность, какой-то духовный зародыш, который ищет развития в незнакомом ему направлении. Им не хватает целестремительности образованного человека, и какое-то не-

*) Конечно, указанные границы различных стадий развития могут в каждом отдельном случае передвигаться в ту и другую сторону.

ясное стремление к расширению перевоплощается в них в надежды, желания и ожидания какого-нибудь происшествия, которое принесло - бы удовлетворение этой непонятной потребности».

Теперь ребенку необходима уже, помимо надлежащих условий физиологического развития, и определённая «умственная» атмосфера, которая давала бы пищу его фантазии и удовлетворяла бы его нежные, лишь зарождающиеся духовные потребности, ибо от этого зависит его духовный рост в такой - же мере, как физический от соблюдения требований гигиены. Игры, игрушки, общение с товарищами и книги создают эту атмосферу. Книга*) в этом возрасте входит в постоянный обиход жизни ребенка и, среди перечисленных предметов, дающих ему «умственную» пищу, она занимает уже видное место.

Книгой, как - бы созданной для данного возраста, является *сказка*; все ее составные элементы, основы построения, развитие действия и герои — всё в ней соответствует духовному уровню ребенка в этот период. В сказке все примитивно и просто.

Примитивны и просты герои, которые, не взирая на их принадлежность к различным классам общества (король, крестьянин, граф, солдат) и к различным мирам — живому и неживому, миру действительности и фантазии, все не только люди, но большей частью просто дети. Характеристика героев также доведена до предельной простоты: они обыкновенно являются носителями одной какой-нибудь особенности, причем часто даже какой-нибудь случайной особенности внешнего характера, вообще той, которая почему-либо бросается в глаза: герой богат или беден, велик или мал, добр или зол (вернее, хорош или худ), красив или уродлив. Выявление этих особенностей тоже своеобразно. Прежде всего, они доведены до предельных размеров и выражаются всегда в чем-нибудь наглядном и одном: богат — так уж все у него из золота, беден — так уж до того беден, что у него только одна корочка хлеба осталась, высок — так уж «выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего» и т. д. Ни до каких социальных различий, различий в умственном и культурном развитии сказке дела нет.

И о ребенке мы знаем, что он не точно воспринимает и далеко не точные представления имеет. Он не умеет абстрагировать и выделять существенные особенности предмета, Вместо этого он схватывает, часто совершенно случайно, малозначущие черты и именно им-то и уделяет свое внимание. Так король у него отличается от крестьянина лишь тем, что у него корона на голове, весь мир он одухотворяет по образу и подобию человеческому. Поэтому - же он скорее воспринимает коли-

*) Конечно, в значительной мере и в этом возрасте, в виде рассказания и чтения вслух, а не самостоятельного чтения.

чественные различия, чем качественные, и все окружающие его предметы отличаются от человека не качественно, а размером. Любопытно отметить, что ребенок, у которого отсутствует в это время представление о размере, испытывает особенное удовольствие от чрезмерных увеличений и уменьшений*). Сказка и в этом его удовлетворяет: задания в сказке всегда не трудны по существу своему, а становятся таковыми в силу каких-нибудь количественных ограничений, как например: выстроить дворец в течение одного дня, отобрать в полдня зерна проса из меры проса, смешанного с пшеном, и т. п.

Обстановка в сказке обрисована весьма скудно. Лес, река или колодец, домик в лесу или дворец — вот почти все, что в сказке встречается. Все в самых общих чертах, деталями сказка не интересуется, а дети их не дополняют — у них слишком мало для этого творческой фантазии.

Мораль сказки также чрезвычайно проста — здоровая и простая народная мораль: невиновный должен быть оправдан, виноватый наказан**). Чувство справедливости должно быть единственно осуществлено. Ни пути осуществления справедливости, ни достоинства действующих лиц значения не имеют.

Но герои, их взаимоотношения и окружающая обстановка является в сказке моментом второстепенным, *ядро сказки составляет действие*. Действие начинается сразу, после первых - же двух слов, и его интенсивность не прерывается до самого конца. И эта «непрерывная» действительность («непрерывная», ибо, если в сказке и бывает перерыв, т. е. приостановка действия, из-за колдовства, предсказания и т. п., то, с возобновлением его, все начинается с того момента, когда действие прекратилось, с сохранением всех мельчайших подробностей), непрерывная смена происшествий есть один из моментов, доставляющих детям большую радость. «Ребёнок испытывает непосредственную радость от полноты и смены наглядных представлений, происходящих пред ним» (W. Stern).

И герой в сказке интересуется ребенка лишь постольку, поскольку он является центром, вокруг которого группируются события. К этому непосредственному интересу к постоянной смене событий присоединяется у ребенка ещё два момента: 1) его тайное (им самим еще неосознанное), непреодолимое влечение к событиям чудесным и необычным и 2) его сильное стремление к осуществлению справедливости — к справедливой каре и награде, и, конечно, заманчивее всего — награда.

*) Очень возможно, что он потому и ощущает так остро и свежо удовольствие от этих моментов, что у него как — раз в это время начинает развиваться восприятие количественных различий.

**) Момент ребёнку тоже очень близкий и понятный, так как справедливая награда и наказание — центральные пункты его маленькой жизни.

Ребёнок с сравнительной лёгкостью выслушивает обо всех тяжёлых, подчас жестоких испытаниях героев — конец его вознаграждает, даёт радостный разряд интенсивному напряжению. И совсем неважно, чем кончается история — пиром, свадьбой или получением королевства — ребёнок не различает этого: для него важно только, что кончается конкретно хорошо, непременно *конкретно*: торжество идеи, но гибель героя, во имя идеала, совершенно не удовлетворяли - бы ребёнка, потому что он не в состоянии ещё мыслить идею.

Таким образом, в сказке ребёнок находит самое большое удовлетворение своих духовных запросов, какое он только может иметь в данном возрасте: он испытывает радость от постоянной смены представлений; он находит в ней удовлетворение живущей в нем потребности в чудесном, необычайном и даже непонятном; он чувствует себя самого награждённым, видя торжество справедливости.

С другой стороны, сказка не вызывает напряжения тех сторон его душевной деятельности, которые в нем самом еще не развиты. Так, интеллект в сказке совсем не занимает видного места, герой терпит наказание и получает награду совершенно независимо от его умственных достоинств. Самое развитие действия в сказке не вызвано никакими соображениями причинного характера. Всё совершается описательно. Бежит мышка по полю и не думает ни о чем, а находит рукавицу и поселяется в ней, а за ней и другие звери. Герой, стоящий на перепутьи, избирает ту или иную дорогу не по каким-либо соображениям, а просто так, но как раз та дорога, по которой он идет, оказывается единственно верной*). Всё совершается без определенной мотивации, без определенных намерений, но обязательно так, как было предсказано: царевна уж обязательно уколется о веретено и впадет в сон, а с ней все вокруг и т. д., и т. д.

Даже изображение эмоциональных переживаний передается лишь путём указания главных внешних признаков переживания: так, в сказке мы не найдем: она была печальна — там будет просто сказано — она заплакала. Мир внутренний вообще не занимает видного места в сказке: внешний мир есть всегда поле её действия. И ребёнок живет еще целиком во - вне, в окружающей его обстановке, он не знает ещё рефлектирующего самосозерцания, он не знает ещё значения душевной жизни, мысли и волевого решения. Он спрашивает всегда о вещах, которые он видит и которые происходят, а не о переживаниях.

Объединяя все сказанное о сказке, мы приходим к выводу, что ребёнок, напряжённо созерцая пёструю смену происшествий в сказке, сопровождает это созерцание чувством симпа-

*) Верной в том смысле, что на ней-то и происходит развитие дальнейших действий.

тии и антипатии к поступкам героев и испытывает *радостное удовлетворение от её полного соответствия его стремлениям, представлениям и понятиям.*

Однако, не взирая на такое полное соответствие сказки ребёнку, вопрос о сказке был одним из самых спорных с давних пор. Одни отводили сказке самое почетное место среди других детских книг, видели в ней могучее и благодетельное орудие воспитания, другие - же резко восставали против нее. Противники сказки вменяют ей прежде всего в вину — чрезмерное развитие фантазии, усиление элемента чудесного и уклонение от действительной жизни.

«Детям должны говорить голую истину», — говорит Руссо, — «знакомясь - же с действительностью, лишь окутанной густой пеленой фантазии, они и впоследствии не стремятся эту пелену скинуть».

«Сила воображения у детей и без того достаточно сильна и вовсе не нуждается в усилении через сказку. Детей следует вводить в мир действительный, а не в царство обмана; к тому - же в действительности так много интересного и удивительного, что вовсе незачем прибегать к сказке» (Кант).

Возражения эти верны, но их никак нельзя отнести к разбираемому нами возрасту, когда в душевном мире ребёнка царит фантазия, когда эта последняя неизбежна и нужна ему как игра.

Опасения оторванности от действительности и чрезмерного усиления фантазии обретают силу лишь тогда, когда речь идет о следующей стадии развития, но не сейчас, когда ребенок вовсе не отличает реального от фантастического.

Далее, сказка отвергается еще потому, что в ней находят утверждение старых средневековых предрассудков и суеверий, укрепление классовых и общественных различий *).

Рисуя в привлекательном виде царей и принцев, народные сказки вредны, так как «целые поколения преданных царскому трону людей воспитали сказки, содержание которых заронило в них первое благоговейное чувство пред царем и царицей, то «первое» чувство, которое кладет отпечаток на всю жизнь ребенка**).

Но и этот страх пред сказкой для ребенка до 7 лет совершенно неоснователен. Ребёнок ведь воспринимает предметы, не связывая их причинно, он еще далек от оценки поступков людей, в его представлении запечатлеваются лишь отдельные моменты. К тому - же цари в сказках вовсе не самые привлекательные герои, часто смешны, глупы и злобны и часто терпят

*) Так еще в 1885 году, когда праздновалось 100-летие со дня рождения Якова Грима, Американский Педагогический Листок писал: «Сказки отражают мировоззрение и культуру средневековья, с его ужасным суеверием, грубостью, варварством и социальными предрассудками».

**) Э. Яновская. Сказка как фактор классового воспитания. Харьков. 1923 г. заслуженную кару. Судя по отзывам детей*) более сознательных, сказочные цари не только не вызывают благоговейных чувств, но часто совсем противоположные.

Ребёнок слушает неизбежное начало сказки — «В некотором царстве, в тридесятом государстве жил был царь...», — как нечто условное, обязательное. И царь этот лишь фон, обстановка, никакого самодовлеющего значения для ребёнка не имеющий, а лишь вводящий его в сказку, дающий ему время и возможность успокоиться, сосредоточиться, приготовиться к слушанию. Это та - же присказка.

По вопросу - же о классовых противоречиях мы уж установили, что сказке до социальных различий и различий в умственном и культурном развитии очень мало дела, и её малолетние читатели тоже не могут в них разобраться, да вряд - ли это им и нужно.

Кроме того, сказка признаётся многими вредной, так как отличается жестокостью и расшатывает нервную систему детей.

Это возражение, имеющее значение и для детей указанного нами возраста, верно лишь по отношению к некоторым сказкам**), к так называемым «страшным» сказкам. Таковы: Синяя борода***), «Мальчик с пальчик» с перерезанными дочками людоеда, Лутошенька!), в кот, герой жаривает с огромным удовольствием Машеньку и радостно бежит с оторванной ногой Бабы-яги к своим старикам «жить поживать, да добра наживать», и страшный медведь с своим «скирлы, скирлы, скирлы» и др.

Но ведь говоря о сказке, как наиболее соответствующем чтении для ребенка от 4-х до 7—8 лет, мы только исходили из общего соответствия особенностей классической народной сказки душевному складу ребенка данного возраста. Но этим, конечно, не разрешался вопрос так, что любая народная сказка допустима для чтения любого ребенка. Необходим, конечно, строгий отбор из существующих сказок тех, которые пригодны для данного возраста, а во всяком отдельном случае индивидуальный подбор из указанных сказок.

Прежде всего, надо брать для данного возраста сказки с наиболее примитивным содержанием!!), простые по языку, лучше всего с частыми повторениями. Повторения приятны де-

*) Выпуски Института Детского Чтения в Москве.

**) Елачич. К вопросу о детском чтении.

***) Сказки эти, благодаря талантливым иллюстрациям, производят еще более потрясающее впечатление.

!) Вариант Ивашинцевой.

!!) 1. Сказки-картинки. Госизд. 1922. Мена. Колобок. Снегурочка. Рукавичка и др.

2. Ай-ду-ду. Русские нар. Сказки и песенки (общеизвестн. и любимые детьми). М. Гос. Изд. 1921.

3. Каррик. Сказки-картинки. Изд. Задруга.

4. Гримм. Волк и семеро козлят. Братец и сестрица. Красная шапочка и др.

тям: приятно слышать уже знакомое и быть самому в состоянии повторить сказанное. Кроме того, эти повторения с совсем незначительными изменениями часто, за бедностью речи у детей, помогают малыми средствами подчеркнуть характерное.

Затем очень хороши сказки о животных*). Они часто и не имеют никакой фабулы, часто это просто описание животных или какой-нибудь смешной эпизод из их жизни.

Ребёнку интересны животные сами по себе. Их повседневная жизнь уже дает пищу его фантазии и заинтересовывает его.

Из сказок, в которых действующими лицами являются существа фантастические (ведьмы, колдуны, карлики), лучше выбирать такие, в кот. эти существа подобны человеку, отличаясь от него лишь большей силой или властью; сверхъестественные существа другого порядка — плод фантазии комбинаторной — ребёнку непонятны и сказки такого рода ему не нужны**).

Очень любят дети всех возрастов и указанного тоже весёлые сказки, но и здесь необходим отбор. Сказки, вызывающие «жестокий» смех*) или страдающие отсутствием художественности**), должны быть отвергнуты. Но смешные «истории» Чуковского***), дающие детям столько радости, Маршак!),

5. *Андерсен*. Маленькая ёлочка. Оле-лук-ой. Маргаритка. Дюймовочка. Цветы маленькой Иды. Оловянный солдатик. Пятеро из одной шелухи. Гадкий утенок. Что старик ни сделает, все хорошо. Иванушка-дурачок.

6. *Мамин-Сибиряк*. Алёнушкины сказки.

7. *М. Свенцицкая*. Русские народные сказки для маленьких детей. Переиздано М. Изд. «Мир». 1922.

8. *Маршак*. Детки в клетке. Рис. Олдина. П. М. Изд. «Радуга» 1924.

9. *Маршак*. Пожар. Обл. Кустодиева, Рис. Конашевича. М. П. Изд. «Радуга». 1924.

10. *Маршак*. Небылица по Эдварду Лину. Приключения стола и стула. Рис. В. Кустодиева. Л. Изд. Брокгауз-Ефрон. 1924.

11. *Малкина и Опошкевич*. Игрушки в лес убежали. Ил. Э. Криммера. П. Изд. Пг. Отд. Гл. Конт. «Изв. ЦИК СССР и ВЦИК». 1924.

*) 1. Сказки Старухи-Говорухи о животных V выпусков.

2. Те-же сказки-картинки Госиздата, Каррика, сказки Гримма, Андерсена, Перро, Мамина-Сибиряка — о животных.

3. Киплинг. Вот так сказки. М. П. Госизд. 1923.

4. Киплинг. Маленькие сказки. «Мир». 1922.

5. *Бианки*. Лесные домики. Ил. Формозова. П. Изд. «Синяя Птица». 1924 г.

Бианки. Чей нос лучше. Кто чем поет. Кукушенок. Рис. П. Бучкина. П. М. Изд. «Радуга». 1924.

6. Венгров, Н. Зверушки. Стихи маленьким. Рис. Ермолаевой, Ю. Анненкова, Н. Альтмана и др. М. П. Гос. Изд. 1923.

**) Каковы: Сказки о царевне лягушке, Спящая Красавица, Баба-Яга и др.

*) *Иванушка-дурачок*, кот. убивает лошадь, топит сначала проезжающего, затем братьев, после чего пошёл домой пиво попивать, да братьев поминать.

Гримм. Собака и Воробей. Воробей сеет повсюду смерть и разрушение.

**) *Стёпка-Растрёпка* — руссифицированный.

***) *Муркина Книга*. Тараканище. Мой додыр. Крокодил.

!) Сказка о глупом мышонке.

сказки Мамина-Сибиряка!!) и нек. др.!!!) должны быть даны или прочитаны детям.

Несколько осторожнее надо быть с книгами иностранными юмористическими, весьма излюбленными детьми в других странах и оставляющими наших детей равнодушными*!).

Остаётся только заметить, что, отдавая должное сказке, ни в каком случае не следует ограничивать чтение ребёнка до 7—8 лет исключительно сказками. Наоборот, чем старше делается ребёнок (подходя к 6-му, 7-му году), тем большее место должны занимать в его чтении книги реального содержания. Ведь ребёнок уже в самом раннем возрасте проявляет интерес к некоторым моментам конкретной действительности и к лицам, его непосредственно окружающим. Этот интерес у ребенка сохраняется и даже расширяется, простираясь на животных и детей. Животные интересуют ребёнка не только в сказочной обстановке, но и в их реальной жизни. И чем старше он делается (в пределах данного возраста), тем больше в нем развивается интерес к подлинным животным, а не одухотворённым по образу и подобию человеческому. Поэтому, произведения реалистического содержания (конечно, близкого и доступного ему) вполне законно завоёвывают все большее место среди книг, читаемых им*).

И чем старше становится ребёнок, чем больше он приближается к моменту переходному в следующую стадию развития, тем сильнее в нем вырастает стремление к реальному миру, природе и людям.

Г. Л.

!!) Не моё дело! Про храброго зайца-длинные уши, про козла упрямого и про других зверей-зверушек.

!!!) *Том., Я.* Приключения Мими. Прикл. убежавшей из зоологического сада мартышки. «Начатки Знаний». 1924.

Бирукова. Мика, Мака и Микуха.. Приключения трех обезьян. Рис. А. Н. Комарова М. Изд. Г. Ф. Мириманова. 1923.

Весёлые сказки для маленьких детей, под ред. И. В. Владиславлева. М. П. Изд. «Книга». 1923.

Труевка, Глазок и Жужутка. Рис. А. Н. Комарова. М. Изд. Мириманова. 1924.

*!) Такова судьба известной «Алисы в стране чудес». *Каролл*, кот., впрочем, больше подходит для след. возр.

*) *Елачич.* Пять рассказов и Фыр-Фырка.

Вентцель. Белочка Чок-Чок и др. рассказы.

Бостром. Как Юра знакомится с жизнью животных.

Мамин-Сибиряк. Сказки и рассказы дня дет. мл. возр.

Мексин. Заика. Сборник для дет. мл. возр. Рис. И. Ефимова. М. П. Гос. Изд. 1923.

Мишка. Сборн. составл. Литературной Комиссией под редакцией Н. Телешова. М. Гос. Изд. 1921. *Куприн.* Слон.

Дмитриева. Малыш и Жучка.

Сливицкий. Белячок; Разорённое гнёздышко. М. П. Госизд. 1923. *Фитч-Перкинс.* Мини и Мони. Эскимосы-близнецы. М. Гос. Изд. 1923.

Фитч-Перкинс. Маленькие японцы.

Фитч-Перкинс . Маленькие голландцы.